

Городекой театр.

„Дѣти солнца“ М. Горькаго.

Эта новая пьеса М. Горькаго затрогиваетъ очень интересный, чрезвычайно важный вопросъ, который особенно рѣзко всталъ предъ нами въ самое послѣднее время. Это вопросъ о той пропасти, которая отдѣляетъ „дѣтей солнца“, образованное, культурное общество, расчищающее человѣчеству путь къ свѣту, къ солнцу, отъ темной массы, коснѣющей въ невѣжествѣ, совершенно не понимающей того, что дѣлается на вершинахъ цивилизаціи. И въ то время, когда на вершинахъ цивилизаціи люди мечтаютъ объ осуществленіи на землѣ чуть не рая, гдѣ жизнь и теперь наполнена высокими идеями, яркими мыслями, темная масса живетъ въ первобытномъ мракѣ, въ нищетѣ и предразсудкахъ, находя утѣшеніе отъ тяжести жизни лишь въ водкѣ.

Изъ бездны нищеты и невѣжества темная масса подымаетъ свои глаза къ солнцу, на которое она не умѣетъ смотрѣть, которое только слѣпитъ ее. О, она тоже хотѣла бы человѣческаго существованія, но она беспомощна, слѣпа, и въ сердцѣ ея назрѣваетъ раздраженіе противъ тѣхъ, кто ушелъ далеко впередъ къ свѣту, солнцу, оставивъ ее на грязной дорогѣ, во тьмѣ ночи, населенной призраками, создаваемыми темнымъ воображеніемъ, больнымъ сердцемъ обиженныхъ судьбою людей.

Вотъ философская основа новой пьесы М. Горькаго. „Дѣти солнца“ въ его пьесѣ—это прежде всего ученый Протасовъ, старающійся о томъ, что люди когда-либо поборютъ самага сильнаго врага своего—смерть. Онъ преданъ наукѣ, онъ вѣритъ (и не безъ основанія, конечно), что отъ нея будетъ зависеть счастье человѣчества, что при помощи нея все сдѣлаются „дѣтьми солнца“; но онъ далеко отъ текущей жизни, отъ тѣхъ милліоновъ, которые сидятъ теперь во тьмѣ и не могутъ видѣть солнца своими слѣпыми глазами. Преданный идеѣ, наукѣ, чистый и возвышенный, онъ не замѣчаетъ людей, онъ равнодушенъ къ ихъ земному насущному горю, къ ихъ нищетѣ, ихъ невѣжеству. Онъ любитъ дальнее и равнодушенъ къ ближнему.

И въ своей возвышенной преданности идеѣ, наукѣ, онъ становится даже эгоистомъ, вслѣствие своей отвлеченности отъ людей. Онъ даже не замѣчаетъ своей жены, какъ человѣка, онъ не видитъ, что вѣдь ей нужна ласка, нужно вниманіе, какъ человѣку, и онъ чуть не лѣшается ея. На отношеніяхъ Протасова и жены авторъ искусно показалъ тѣ причины, которыя создаютъ пропасть между „дѣтьми солнца“ и темной массой. И ни на что текущее, живое не умѣетъ отозваться Протасовъ, сосредоточенный на отвлеченной идеѣ, въ отвлеченной работѣ, несмотря на то, что чловѣкъ онъ въ высшей степени добрый, чистый, возвышенный.

А между тѣмъ, съ преданностью идеѣ, съ любовью къ дальнему нужно соединить заботу о ближнемъ, о тѣхъ милліонахъ человѣческихъ существъ, которыя окружаютъ насъ. Нельзя смотрѣть на темную толпу, какъ на мертвую, какъ на матеріаль для будущаго, нужно теперь же стараться внести свѣтъ солнца въ ея темную жизнь, потому что отъ этоо зависитъ наша собственная жизнь, даже о дальнее, которому служить Протасовъ. Мы видимъ въ пьесѣ, какъ темная жизнь врывается въ тотъ свѣтлый міръ идей, которымъ живетъ Протасовъ, какъ грубо и рѣзко она нарушаетъ его. Въ заключеніе происходитъ даже дикій черносотенный погромъ. Толпа врывается о дворъ, гдѣ живетъ Протасовъ, и съ дикой ненавистью, съ дикой злобой бьетъ его, возвышеннаго, свѣтлаго человѣка, вся жизнь котораго была отдана идеѣ, но которой, къ социальнѣю, не понимаетъ темная масса, ютящаяся въ подвалахъ, во тьмѣ и грязи, и живущая призраками.

Кромѣ Протасова, другія лица въ пьесѣ набросаны эскизно. Къ „дѣтямъ солнца“ принадлежитъ и художникъ Вагинъ и жена Протасова, занимающаяся тоже живописью. Она мечтаетъ о красотѣ, о всеобѣждающемъ вліяніи ея, облагораживающемъ человѣка. Но отрѣшенность отъ массы, которая не понимаетъ красоты, сказывается и на мечтахъ иъ объ искусствѣ. Художникъ Вагинъ, чувствуя эту отрѣшенность, мечтаетъ объ искусствѣ для искусства, онъ прямо говоритъ, что искусство существуетъ лишь для немногихъ, стараясь даже признать этотъ фактъ нормальнымъ.

Больше связанъ съ жизнью малороссъ Черный, ветеринарный врачъ. Онъ видитъ разладъ въ жизни, этотъ разладъ тревожитъ, возмущаетъ его, но онъ не понимаетъ возможности устранить его. Онъ злится, негодуетъ на жизнь и людей, онъ выражаетъ самыя отрицательныя, скептическія взгляды. Это чловѣкъ, стоящій надъ пропастью, но не видящій возможности сравнять ее, перекинуть мостъ. Къ послѣднему призываетъ сестра Протасова, Кассандра пьесы. Она говоритъ о томъ, что необходимо внести свѣтъ въ темную толпу, что необходимо познакомиться ее съ солнцемъ, но такъ какъ этого нѣтъ, предсказываетъ бѣды, разрушенія. Она говоритъ о томъ, что жестокость и ненависть

растутъ въ сердцахъ темныхъ людей и когда-либо зальютъ землю кровью. Она была свидетельницей страшнаго уличнаго побоища, и воспоминаніе о немъ навѣки омрачило ея жизнь.

Что жизнь этихъ „дѣтей солнца“ сама по себѣ высока, свѣтла, что они могли бы внести свѣтъ въ темную толпу, говорить образъ Меланьи, сестры Чепурнаго. Вдова торговца, она прожила жизнь въ умственной тьмѣ, въ нравственной грязи, и мучительно чувствуетъ это, попавъ въ среду, которой окруженъ Протасовъ. Ее ослѣпило солнце, она почувствовала, что жизнь можетъ быть возвышенной, чистой, красивой, и она стала боготворить Протасова, она готова на всякія жертвы, чтобы только остаться вблизи него, чтобы не выйти изъ сферы лучей „солнца“.

Пьеса написана очень живо, сильно, быть можетъ болѣе живо, чѣмъ прежнія пьесы М. Горькаго. Въ ней также много живого юмора, окутывающаго серьезную, глубокую идею, какъ въ „Плодахъ просвѣщенія“ Л. Н. Толстого. Этого юмора даже, быть можетъ, слишкомъ много, мѣстами онъ даже переходитъ въ фарсъ, заслоняющій истинный обликъ Протасова, который долженъ бы быть не столько смѣшонъ, какъ трогателенъ. Возможно, впрочемъ, что такое впечатлѣніе создавалось отчасти игрою г. Унгерна, живой, мастерской, но которая доводила до крайности комизмъ пьесы. Уменьшить комическій элементъ и увеличить трогательное и свѣтлое въ фигурѣ Протасова—необходимо. Въ той фигурѣ, которую мы видѣли на сценѣ, чувствовался не столько ученый, увлеченный великой идеей, сколько просто чудакъ. Излишекъ комическаго элемента былъ и въ фигурѣ Меланьи, которую исполняла г-жа Соколовская.

Вообще же пьеса была исполнена очень живо, даже съ блескомъ. Лучше всѣхъ былъ г. Браиловскій въ роли Чепурнаго. Въ игрѣ его, очень типической, очень характерной, не было ни малѣйшаго преувеличенія. Роль имъ была исполнена очень ровно и выпукло. Артистъ въ данномъ случаѣ вполне слился съ изображаемой ролью. Мелкія роли (какъ слесаря, дворника, босяка, хозяина дома и его сына), были исполнены живо. Кой-гдѣ, впрочемъ, встрѣчались шероховатости; напр. прислуга Луша впадала въ фарсъ.

Какъ мы уже сообщали, сцена погрома произвела сильное, потрясающее впечатлѣніе Дѣло въ томъ, что написана она очень живо и живо была поставлена. Зритель ощущалъ уже безпокойство, ощущалъ сочувствіе къ семьѣ Протасова, постигнутой горемъ: Чепурный повѣсилъ и сестра Протасова падаетъ въ истерикѣ, въ отчаяніи и сестра Чепурнаго, всѣ убиты, огорчены. И вдругъ на сцену врывается дикая, темная, безумная толпа и начинаетъ бить Протасова, побуждаемая къ этому какими-то темными призраками. Трагизмъ положенія живо чувствуется публикой, которая притомъ все это сама мучительно пережила въ дѣйствительной жизни.

Сцена эта въ данный моментъ тяжела, но авторъ ввелъ ее въ пьесу изъ дѣйствительности, она громко говоритъ о тьмѣ массы, о томъ, что эту тьму необходимо возможно скорѣе разсѣять, потому что она способна затушить тотъ свѣтъ солнца, который завоеванъ культурнымъ обществомъ. Необходимо возможно скорѣе приобщить къ этому свѣту темныя массы.

А. Ум—скій.